

XXXVII.

№ 37

Выданъ 16-го сентября 1906 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 31.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1906 г.

Съ приложеніемъ **40 книгъ полныхъ собраній сочиненій:**

Остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

и первые 10 книгъ полн. собр. сочиненій

К. М. Станюковича.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. Печковской,
Петровскія линіи .

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Рышельевская, 12.

7 р. 50 н.

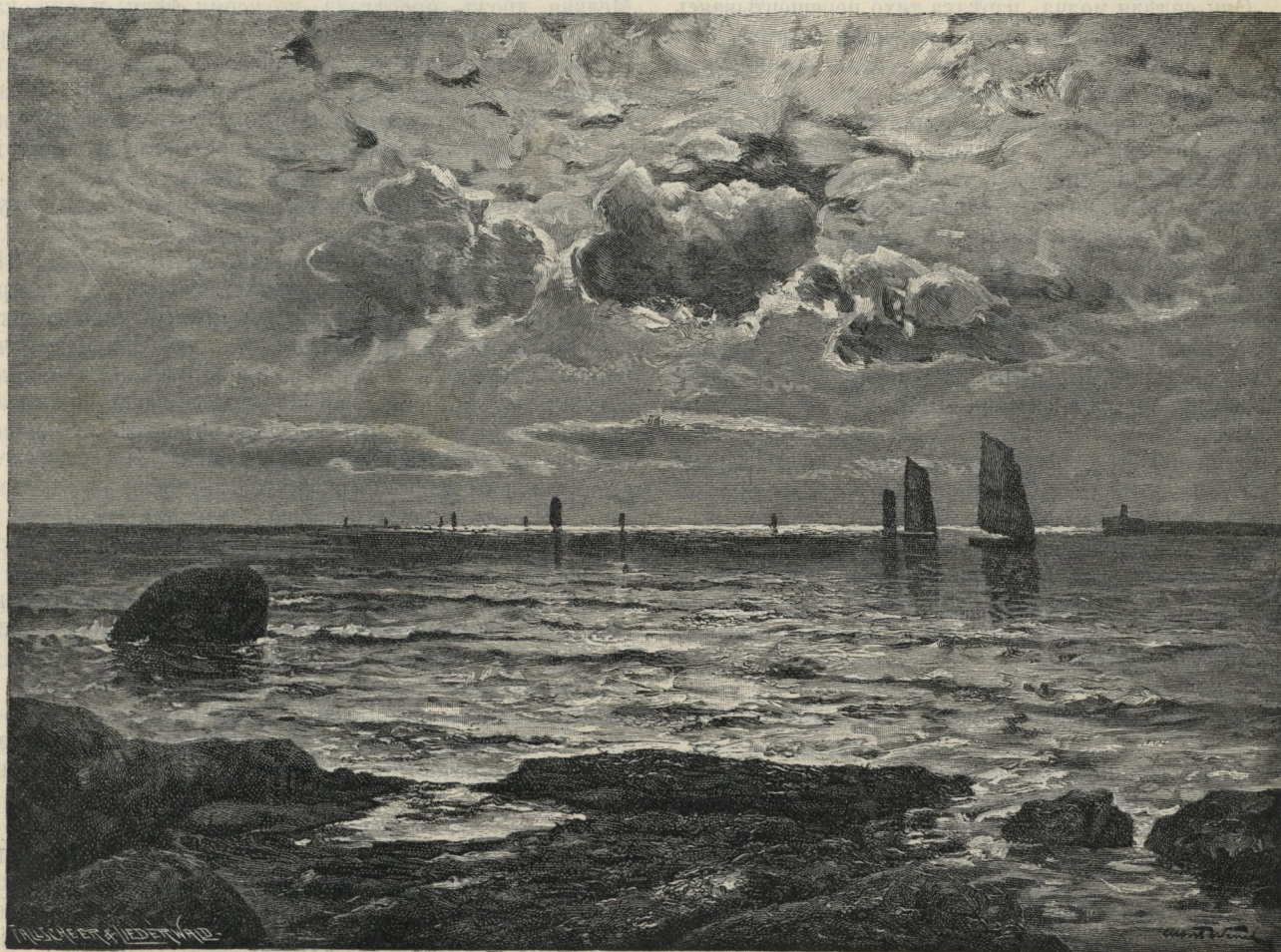
Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . . .

8 р.

За
гра-
нцу. **12 р.**

Лунная ночь на морѣ. Картина А. Венка, гравюра Фальшеера.

и скучной жизни являлась какая-то неудержимая, судорожная любовь к птицам.

Любил он птиц маленьким деревенским мальчишкой, когда ловил в силки и западни чижей и щеглов и наполнял ими курную избу отца. Птицы окотывали, Веденей горевал, хоронил их в лесу и ставил „на могилах“ крестики из лучинок, а к осени опять налавливал, и опять по всей избѣ, угорая от дыма, тычась во все углы, попадая то на полаты, в тряпье, то в русскую печь, летали съ песком крылатые плѣнники.

По одиннадцатому году Веденей свезли в город и опредѣлили в ученѣе к сапожнику. У сапожника был скворецъ Ѳомка, который умѣлъ свистать „По улицѣ мостовой“. Веденей страстно привязался к скворцу, чистил его, кормил, купал в глиняной плошкѣ и, когда сапожникъ, по случаю загула, рѣшил ликвидировать все свои дѣла и продать вмѣстѣ съ разным домашнимъ скарбомъ „ученаго“ скворца, Веденей впалъ в такое отчаяніе, что помышлялъ даже наложить на себя руки.

Отъ сапожника, у котораго уже нечего было дѣлать Веденю, онъ, при помощи добрыхъ людей, попалъ в мальчики в мелочную лавку, гдѣ и началъ уже основательнымъ образомъ дѣлать себѣ карьеру. Однако это дѣланье карьеры, сопровождавшееся не совсемъ благовидными манипуляціями и поступками Веденей, не только не помѣшало страсти его к птицамъ, но даже какъ бы усугубило ее. Сперва мальчикъ, подручный, а потомъ приказчикъ, Веденей въ любви к „птичкамъ“ и уходѣ за ними нашелъ исходъ тѣмъ естественнымъ запросамъ души, которые, по малограмотству Веденей и непривычкѣ к книгамъ, по его нелюдимости и нелюбви к обществу даже себѣ подобныхъ, — ничѣмъ другимъ не могли быть удовлетворены.

— Птичка, она что — тварь Божія, невинная! Никакого зла тебѣ сдѣлать не можетъ! А человекъ — хуже волка, захочетъ тебя укусить, отъ него не убережешься! — говорил Веденей Спиридонычъ, въ то же время самъ обдумывая, какъ бы удобнѣе „укусить“ сосѣда.

Благополучно покончивъ в городѣ службу приказчика, Бумазѣвъ считалъ свой „достатокъ“ и, недолго думая, переселился въ деревню, на лоно природы, гдѣ на купленномъ небольшомъ участкѣ земли выстроилъ свою лавочку. Впослѣдствіи лавка разрослась, разросся и участокъ, и на воротахъ двухэтажнаго деревяннаго дома появилась вывѣска бѣлыми буквами по синему полю, гласившими, что „здѣсь продается кирпичъ, известь, бревна, доски и прочій строительный матеріалъ“...

Имѣя „достатокъ“, собственный домъ и лавку, Веденю Спиридонычу ничего не стоило завести и „птичекъ“. Досужий плотникъ выстроилъ ему садокъ, въ которомъ летали и распѣвали разныхъ видовъ и породъ пѣвчія птицы. И Веденей Спиридонычъ доставлялъ себѣ ежедневное удовольствіе являться въ комнатку, гдѣ находился садокъ, кормить птичекъ зерномъ, червями, муравьиными яйцами и просиживать по часамъ, слушая ихъ щебетанье.

Но съ тѣхъ поръ, какъ завелся въ станціонномъ кустарникѣ удивительный соловей, Бумазѣвъ, проводившій все вечера въ кустарникѣ, сталъ видимо охлаждать к своимъ „птичкамъ“.

Онъ злился на себя за свою измѣну, злился за необычайную страсть и привязанность к соловью, дѣлавшій изъ него — солиднаго купца и общественнаго дѣятеля въ своей мѣстности — посмѣшище для мѣстныхъ остряковъ и подростковъ-шалопаетъ, но ничего подѣлать съ собою не могъ и, какъ ни удерживался, все-таки неизмѣнно, каждый вечеръ, отправлялся слушать „проклятую“, какъ онъ прозвалъ соловья, птицу.

Когда онъ подходилъ к своему двухэтажному, съ мелочной лавочкой, дому, то вдругъ слышалъ стукъ

захлопнутого окна. Веденей Спиридонычъ остановился и прислушался. Стукъ не повторился, но изъ-подъ калитки палисадника вытѣзла старая собака Трезоръ и, смотря прямо на хозяина мутными, съ бѣлками, глазами, принялась тихо лаять. Веденей Спиридонычъ вошелъ въ домъ, двери котораго были не на запорѣ, и прошелъ к себѣ въ кабинетъ, гдѣ ему было послано на большомъ клеенчатомъ диванѣ. Изъ сосѣдней комнаты, спальни жены, дверь въ которую была приотворена, въ кабинетъ проникъ тяжелый запахъ нагорѣвшей лампы и алкоголя.

Веденей Спиридонычъ глубоко вздохнулъ и покачалъ головой, потомъ началъ медленно разуваться.

Окно хлопнуло сынъ Бумазѣва, Сеня, девятнадцатилѣтній молодой человекъ, чахлый, блѣдный, съ видимыми признаками чахотки. Онъ всю ночь просидѣлъ у открытаго окна, слушая далекое пѣніе соловья. Въ глубинѣ комнаты, на одной изъ кроватей лежалъ, но тоже не спалъ, товарищъ Сени по училищу, пріѣхавшій изъ города погостить, тоже молодой человекъ одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, по фамиліи Филистимловъ. Въ противоположность блондину Сенѣ, Филистимловъ былъ сильный брюнетъ съ смуглымъ, почти оливковымъ цвѣтомъ лица и съ замѣтно пробивавшимися усами.

— Чего ты окно хлопнулъ? Холодно, что ли, стало? — спросилъ Филистимловъ.

— Отецъ откуда-то возвращается, да и свѣженько что-то стало! — отвѣтилъ Сеня, подходя к столику, что стоялъ подлѣ кровати, и беря съ него папиросу.

— Значитъ, спать? Ну-ка, который часъ? Ого! Скоро два!

— Да, Вася, будемъ спать! — отвѣтилъ Бумазѣвъ: — соловей замолкъ! А не правда ли, какъ хорошо поетъ!

— Поетъ отменно! — согласился Филистимловъ: — должно-быть, не молодой! Молодые такъ пѣть не умѣютъ. Сеня снялъ верхнее платье и сѣлъ на свою кровать.

— А знаешь ли что, Вася? — началъ онъ: — я и сегодня врядъ ли усну!

— Полно тебѣ! — усмѣхнулся Филистимловъ: — запоетъ пѣтухъ, ты и задремлешь! Ты и вчера тоже говорилъ, что не заснешь, а нашъ „Разбойникъ“ тебя своимъ пѣніемъ усыпилъ!

— Пожалуй, и вѣрно! — согласился Сеня: — я вчера легъ и все думалъ... все о такомъ возвышенномъ... Богъ знаетъ, чего ни передумалъ... И вдругъ — этотъ пѣтухъ... Все мысли такъ и разлетѣлись...

— Ты и заснулъ?

— Да, заснулъ! Что же!

Онъ сидѣлъ на кровати худой, согбенный, опустивъ голову.

— А знаешь ли, — началъ онъ снова: — вѣдь какъ поетъ соловушко-то! Я никогда раньше не слышалъ! А можетъ-быть, и слышалъ, да не замѣчалъ какъ-то, ни къ чему, какъ говорится, было!

— Въ прошломъ году какъ будто не было соловья?

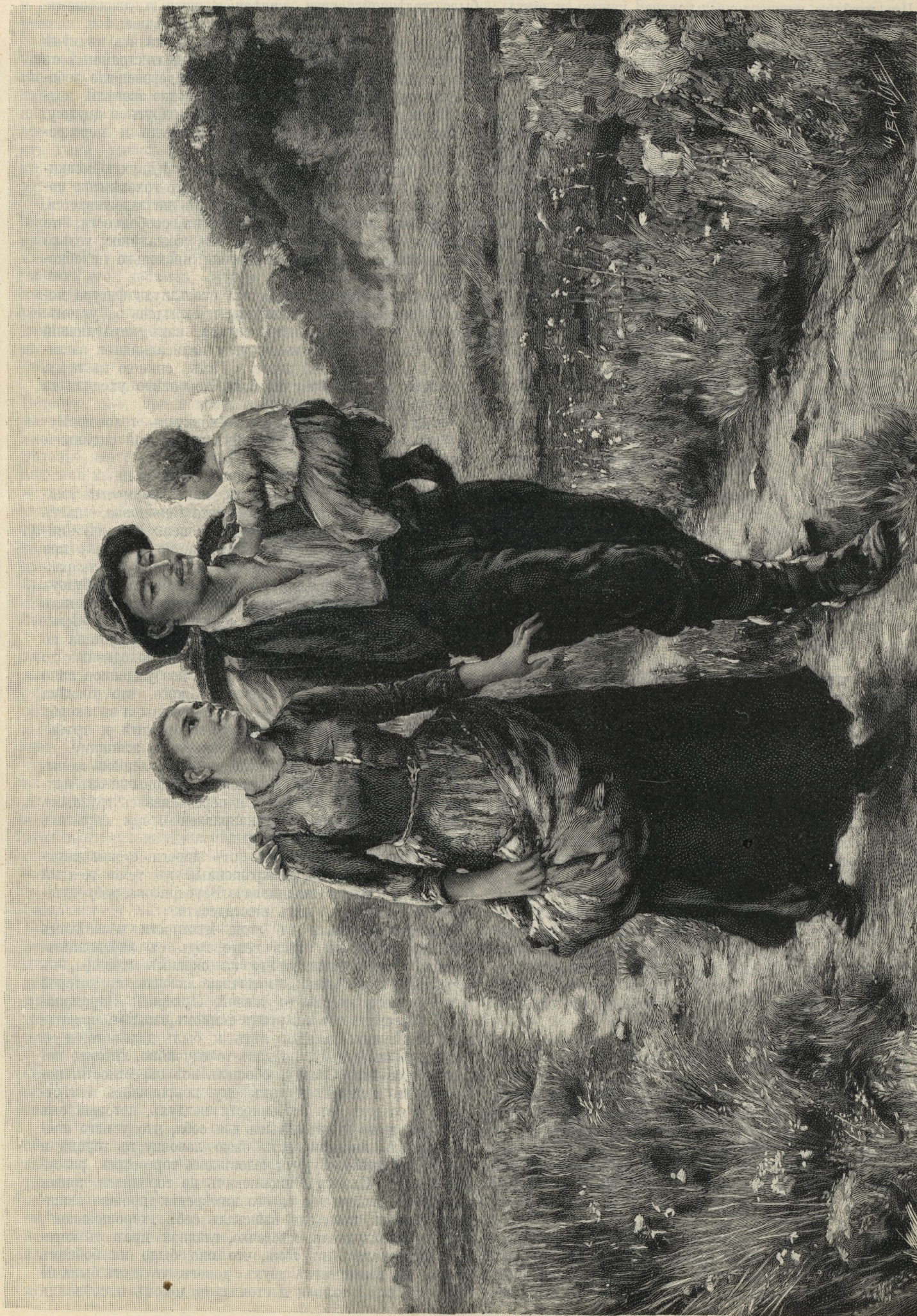
— Не было, не было! — оживился Сеня: — это ты правду, что не было! А вѣдь какъ поетъ-то, Вася, а? Такъ бы все и слушалъ! Словно за сердце хватается! И когда слушаешь, такъ все тебѣ какъ-то широко-широко кажется! Все вокругъ широко, и въ самомъ тебѣ какая-то ширь!..

Вася приподнялся на локтѣ и смотрѣлъ на него недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Видишь ли, Вася, я не могу тебѣ этого объяснить, — началъ Бумазѣвъ, путаясь, не находя подходящаго выраженія и какъ бы вытаскивая медленно и съ болью изъ себя слова: — ну, понимаешь, такъ широко, свободно какъ-то... Будто я не здѣсь, не въ Славогоркѣ живу, а гдѣ-нибудь въ другой сторонѣ, въ другомъ государствѣ, и даже нѣтъ, Вася, не государствѣ... такого государства на всемъ свѣтѣ не существуетъ и не можетъ существовать, а будто это... другой свѣтъ... совсемъ другой... котораго никто никогда не видѣлъ... И будто...

Листопад. Картина А. Федоткина, авт. «Пины».

Трудъ и Любовь. Картина Леона Го, гравюра Ш. Бода.

Изъ глубины комнаты послышались кашель и стукъ. Бумазѣвъ юркнулъ подъ одѣяло, натянулъ его до подбородка и замолкъ, пугливо поглядывая на дверь.

— Это папенька!—прошепталъ онъ черезъ минуту:— это онъ шелъ по улицѣ, на него Трезорка лаяла... Во снѣ, должно-быть.

Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ опять заговорилъ:

— Вѣдь вотъ они этого не понимаютъ, да имъ и говорить нечего, не поймутъ, все равно! Маменька меня порченнымъ какимъ-то признаётъ, а папенька за дурачка считаетъ!.. Конечно, ему мои мечтанія глупыми кажутся... Вѣдь онъ ни одной настоящей, можно сказать, серьезной книги не прочелъ... Смѣхъ! Зашелъ онъ какъ-то ко мнѣ, а я за чтеніемъ сижу. Взялъ книгу, посмотрѣлъ на заглавіе: „Самодѣтельность“ Смайльса была: „Ты,— говоритъ:—этими книжками брось заниматься! Бѣды съ ними наживешь! Знаешь, по нынѣшнимъ временамъ!“ Ну, что же я съ нимъ, спорить, что ли, буду? Маменька, та еще лучше! Поѣхали мы какъ-то съ нею въ Игнатьевку больного дѣдушку навѣстить, а тамъ какая-то знахарка сидитъ, просто шарлатанка, мошенница, по-моему,—такъ она, маменька-то, давай ей про меня говорить, что вотъ, дескать, слѣдовало бы мальчика полѣчить!.. Право! Ну, да ужъ про маменьку что... жалости подобна...

— Однако, Сеня, спать пора!—пробурчалъ товарищъ, поворачиваясь къ стѣнѣ:—скоро не только пѣтухи будутъ горланить, а и коровы замычатъ.

— Не хочется спать что-то,—прошепталъ Бумазѣвъ.

— Насильно засни!—посоветовалъ товарищъ:—ты оттого и тощій, что мало спишь...

— Все думается! Цѣлый день все думается! Люди тамъ разными дѣлами заняты: папенька—торговлей, маменька—хозяйствомъ; ну, конечно, помогаешь имъ, какъ тамъ умѣешь, и все дѣлаешь какъ автоматъ, безъ вниманія, а главное-то твое, любимое, все гвоздить, все гвоздить у тебя въ головѣ... Хорошо бы вотъ такъ, на-примѣръ, чтобы всѣ люди стали грамотными, образованными, ну, хоть не совсемъ, а такъ, хоть немного, чтобы дикими не были... Чтобы войнъ не было и никакихъ между людьми распрей... Вѣдь добромъ все можно сдѣлать, а зломъ все только испортишь, жизнь испортишь себѣ и другимъ! А знаешь, Вася, отчего, мнѣ кажется, люди по-хорошему между собою не живутъ? Оттого, что мало думаютъ, а многие и совсемъ не думаютъ... А вѣдь если только раздуматься хорошенько...

Съ кровати, на которой лежалъ товарищъ, послышался такой взрывъ храпа, что Сеня невольно вздрогнулъ и боязливо покосился въ ту сторону.

„Спать!—прошепталъ онъ:—ну, что же, Богъ съ нимъ! А все-таки онъ хорошій, добрый товарищъ!“

И Бумазѣвъ долго лежалъ съ открытыми глазами, долго смотрѣлъ на свѣтлѣвшій заревомъ восхода окна, потомъ на золотистую полоску солнца, озарившую клочокъ грязныхъ обоевъ, смотрѣлъ, какъ она все ширилась и ширилась и превратилась въ широкій, свѣтлый дискъ.

III.

Веденей Спиридонычъ сидѣлъ послѣ обѣда у себя въ палисадникѣ и благодумствовалъ. Онъ только-что велѣлъ работнику Захару отпустить сто двухдюймовыхъ еловыхъ досокъ одному чудаку-чиновнику, задумавшему строить около полустанка, и получилъ „чистыми“, да еще нажилъ процентовъ сорокъ.

День былъ жаркій, погожій. Тучный Веденей Спиридонычъ разстегнулъ жилетъ, украшенный толстой вызолоченной часовой цѣпью, воротъ и грудь ситцевой рубахи, и ему все было жарко.

„Чего бы такого?—думалъ Бумазѣвъ:—квасу ли испить, или купаться идти?.. Вставать-то мнѣ, вотъ бѣда!“

Прищуривъ свои маленькіе глазки, онъ сталъ смотрѣть на пыльное, пустынное шоссе, когда-то, когда не

было желѣзной дороги, кипѣвшее жизнью, движеніемъ, но давно уже затихшее и какъ-то одичавшее.

На шоссе все было попрежнему: купались въ кучѣ мягкой, бѣлой пыли воробьи и куры, шелъ странникъ съ котомкой, въ видѣ ранца, за плечами, деревенскіе ребятишки играли „въ рюхи“, и палки гулко звенѣли, подпрыгивая по камнямъ шоссе и ударяясь другъ о дружку.

Веденей Спиридонычъ широко зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

„Завтра нужно на биржу за товаромъ! Двухдюймовки-то на исходѣ!“—подумалъ онъ, и въ его головѣ вилло потянулись мысли о томъ, что товаръ не залеживается, разбираютъ, и въ послѣдніе годы въ особенности, что мѣстность стала обстраиваться, къ сожалѣнію, только вблизи желѣзной дороги, и деревня нисколько не обновляется, только старѣетъ...

Сбоку палисадника, какъ тѣнь, скользнула фигура пожилой, очень толстой женщины и скрылась за угломъ. Веденей Спиридонычъ встрепенулся, какъ караулившій добычу паукъ, подошелъ къ углу палисадника и заглянулъ черезъ колья на дорогу. Тамъ, спиной къ нему, переваливаясь съ боку на бокъ, торопливо уходила та же женская фигура.

— Ахъ, Лизавета, Лизавета!—покачалъ головою Бумазѣвъ, возвращаясь къ скамейкѣ, на которой сидѣлъ:—сокрушеніе мое!

Онъ испустилъ тяжелый и долгій вздохъ...

Вотъ ужъ около десяти лѣтъ, какъ занимается „малодушествомъ“ его жена, Лизавета Семеновна,—пьетъ горькую! И какъ странно это произошло: Веденей Спиридонычъ пьяницей не былъ никогда, но выпивалъ при случаѣ, и выпивалъ не мало, но, когда онъ сталъ разбухать и докторъ предостерегъ его, что если онъ будетъ пить, то съ нимъ сдѣлается ударъ, Бумазѣвъ пересталъ пить вовсе, но зато начала попивать Лизавета Семеновна. Правда, она была всегда на дѣлѣ, хлопотала по хозяйству, стряпала; но громкая рѣчь, доходящая до крика, рѣзкость движеній, красное, возбужденное лицо служили для всего дома указаніемъ того, что хозяйка „хватила“, и повергали Веденея Спиридоныча въ скорбь и уныніе, выражавшіяся однако въ воркотнѣ и грубостяхъ, которыми онъ осыпалъ несчастную женщину.

Внутреннее безпокойство, вызванное появленіемъ жены, побороло лѣнь и апатію Веденея Спиридоныча; онъ поднялся со скамейки и, крихтя и переваливаясь грузнымъ тѣломъ, побрелъ по тому направленію, гдѣ скрылась жена.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дороги стоялъ двухэтажный, деревянный, выкрашенный въ темно-желтый цвѣтъ, домъ Павла Онисимовича Барбарисова, добродушнаго вида старичка, лѣтъ шестидесяти.

Барбарисовъ былъ въ этой мѣстности человѣкомъ новымъ, жившимъ здѣсь всего годъ съ небольшимъ. Раньше у него была гдѣ-то на окраинѣ столицы, въ подвальномъ помѣщеніи, мелочная лавочка, въ которой онъ торговалъ вмѣстѣ съ женой, Лукерьей Парамоновой. Торговалъ онъ въ этомъ темномъ, гниломъ и затхломъ помѣщеніи десятки лѣтъ и былъ доволенъ, и не жаловался на судьбу, но какъ-то случайно, лѣтомъ, попалъ на станцію Славку, обошелъ всѣ окрестности, побывалъ въ деревнѣ, и такъ ему понравились и мѣстность и воздухъ, въ особенности воздухъ, который онъ призналъ даже цѣлительнымъ для себя, что у него явилась мысль ликвидировать свою лавочку въ городѣ и поселиться здѣсь. Будучи человѣкомъ торговымъ, разсудительнымъ, Павелъ Онисимовичъ не торопился приведеніемъ въ исполненіе своего намѣренія: прошло слишкомъ полгода, пока онъ выискивалъ себѣ „хорошенькое“, какъ онъ говаривалъ, мѣстечко, главная прелесть котораго заключалась въ томъ, что оно было на бойкомъ мѣстѣ—на перекресткѣ двухъ дорогъ, что тутъ была не особенно давно чайная и стояла съ домомъ и со всѣми

службами совершенные пустяки, что-то около тысячи рублей.

Злые языки говорили потомъ, что у Барбарисова на первомъ планѣ вовсе не было идиллическаго желанія наслаждаться „чистымъ воздухомъ“, а таилось самое практическое поползновение потихонечку поторговывать водочкой; но когда кто-нибудь, по безтактности, пробовалъ заговаривать на эту тему съ Барбарисовымъ, тотъ, широко раскрывъ глаза, съ дѣтски-наивной улыбочкой отвѣчалъ:

— Помилуйте, что вы! Стану я этими дѣлами заниматься, коли всю жизнь не занимался! Да я не знаю, какъ и дѣлается-то это... дѣло-то это самое... Стану я на старости лѣтъ!.. Воздухъ мнѣ здѣшній очень нравится! Очень ужъ легкій воздухъ!.. Я какъ изъ города, изъ своей-то пакости сюда прѣйду, такъ словно въ рай небесный!..

Вотъ къ этому-то Барбарисову, вѣрнѣе—къ его темно-желтому домику съ палисадничкомъ и клумбами цвѣтовъ передъ фасадомъ, и направился Веденей Спиридонычъ. И по мѣрѣ того, какъ тучная, огромная фигура Бумазѣва приближалась къ желтому домику, чувство злобы и негодованія все росло и ширилось въ груди Веденея Спиридоныча.

„Спаиваетъ, мерзавецъ, прохвость, мою старуху! — проносилось въ его головѣ:—песъ шелудивый. Откуда такой свалился на мою голову! Не было его, стараго пса, Лизавета меньше водки пила, потому достать было не откуда! За двѣ версты не побѣжишь, когда вздумается! Появился чортъ, и она безперечь каждый день бѣгать сюда стала!“

За угломъ палисадника мелькнула голова Лукерьи Парамоновны и моментально скрылась. И не успѣвъ Бумазѣвъ дойти до воротъ дома Барбарисова, какъ по задворкамъ, прячась за углами сараевъ, за кустарниками и деревьями, вся трясясь отъ страха, спотыкаясь и даже падая иногда, пробиралась домой Лизавета Семеновна.

IV.

Павель Онисимовичъ на тачкѣ свозилъ къ себѣ во дворъ землю, которую копалъ неподалеку отъ дома въ канавѣ. Бумазѣвъ засталъ его въ ту минуту, когда онъ только-что отвезъ тачку земли, выпросталъ ее и остановился передохнуть вспотѣвшій, тяжело дышавшій, съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, съ сверкавшими отъ физическаго возбужденія маленькими сѣрыми глазами.

— Сосѣду мое почтеніе!—воскликнулъ Барбарисовъ, протягивая заскорузлую, горячую руку:— какъ здоровьѣ?

— Ничего! Благодарю!—буркнулъ Веденей Спиридонычъ, устремляя пристальный взглядъ на окна дома.

— Простите, я тутъ хозяйствомъ занялся!

— Ничего, ничего! Я вѣдь такъ... гуляючи... не по дѣлу! Землю возите?

— Да вотъ очищаю запущенную канаву, и землю, кстати, на огородъ! Очень хорошая земля! Самая огородная! Въ домѣ-то этомъ вѣдь чайная была, ну, въ канаву и валили помои это, отбросы, что придется... разное...

— Знаю, что чайная была, Фрола Пантелѣева... Хорошій мужикъ былъ Фролъ Пантелѣвъ, очень хорошій... Водкой не торговалъ, людей не спаивалъ...

— Кто же тутъ водкой торгуетъ?—спросилъ Павель Онисимовичъ, дѣтски улыбаясь.

— Да ты торгуешь,—неожиданно выпалилъ Бумазѣвъ.

— Ни въ какихъ смыслахъ!—замоталъ головой Павель Онисимовичъ:—вотъ ужъ это ты напрасно, сосѣдъ! Напрасно обижаешь стараго человѣка! Грѣхъ тебѣ, Веденей Спиридонычъ! Право, грѣхъ!

— Кому грѣхъ, а не мнѣ! Торгуешь водкой, вотъ и все!

— А ты видалъ?

— Мнѣ видѣтъ нечего! Знаю!

— Мало-ль что ты знаешь! Нѣтъ, ты видалъ? Скажи! Ну-ка?

— Зачѣмъ старуху мою спаиваешь?

— Кто ее спаиваетъ? Я и старухи-то твоей не знаю, какая она такая! Старуху какую-то приплелъ!

— Каждую минуту сюда шмыгаетъ! „Приплелъ“!

— Вотъ-те на! Чего ей тутъ, что она шмыгаетъ! Да я ее и не знаю, твоей старухи-то! Мало ли гдѣ она тамъ, на задворкахъ, напивается! Что я, сторожъ твоей старухи, что ли! Караулъ ее самъ, коли она твоя! Мало ли ихъ тутъ!

— Ладно! Представляйся! Знаемъ мы твои дѣла! Попадешься подъ протоколъ! Укомплектуемъ! Какъ ни увертливъ, старый чортъ! Укомплектуемъ!

— Самъ дьяволъ! Чего ругаешься!

— Я не только ругаться, я тебѣ бока обломаю, придется подъ злой часъ!

— Попробуй!

— А вотъ и попробую!

Веденей Спиридонычъ двинулся уже было впередъ, съ нескрываемымъ желаніемъ „попробовать“, какъ на выручку подоспѣла Лукерья Парамоновна.

Услышавъ брань и угрозы, разносившіяся, благодаря тишинѣ лѣтняго полдня, на далекое пространство, она смѣло ринулась между готовившимися вступить въ драку и съ такой горячностью атаковала Бумазѣва, что тотъ опѣшилъ и попятился.

— Что, что!—кричала она, брызжа слюною и наступая:—драться задумалъ, драться! Не сидится толстому чорту дома, по чужимъ дворамъ сталъ ходить да драки учинять! Не на таковыхъхъ наскочилъ! Не поддадимся! Мы честные люди, праведные люди, не такіе мошенники, какъ здѣшніе всѣ, вотъ какъ ты! Чего глаза вылупилъ! Тронь только! Сейчасъ рогакомъ въ толстое твое брюхо хвачу!

На визгъ неистовой и какъ будто немного выпившей бабы стали собираться люди, кое-гдѣ пооткрывались по дачамъ окна...

Веденей Спиридонычъ выпелъ на дорогу и повернулъ домой.

— Попадись ты мнѣ когда-нибудь! — погрозилъ онъ Барбарисову:—я тебѣ покажу!

— Что покажешь? Что?—кричала издали Лукерья Парамоновна:—что ты намъ, честнымъ людямъ, можешь показать? Ишь какой наскочилъ! Откуда такой! Драться тоже лѣзетъ! Купецъ! Я не посмотрю, что ты купецъ, ты мнѣ своимъ купечествомъ не угрозишь! Купецъ, а наемднн хлѣбъ съ мочалой продалъ!

Подъ эту трескотню, похожую на барабанную дробь, Веденей Спиридонычъ перешелъ черезъ дорогу и направился къ себѣ, въ палисадникъ, когда увидѣлъ, что черезъ два дома, въ палисадникъ же, сидитъ компанія изъ трехъ человѣкъ за столикомъ, на которомъ стояли самоваръ съ приборомъ для чаепитія, бутылка водки, рюмки и кое-какая закуска.

„Кто бы это могъ быть у Сыся?—подумалъ Веденей Спиридонычъ и, прищурившись отъ солнца, началъ приглядываться къ группѣ:—какъ будто знакомые, а будто и нѣтъ!“

— Здравствуйте, Веденей Спиридонычъ! — раздалось хоромъ изъ-за палисадника:—пожалуйте къ намъ!

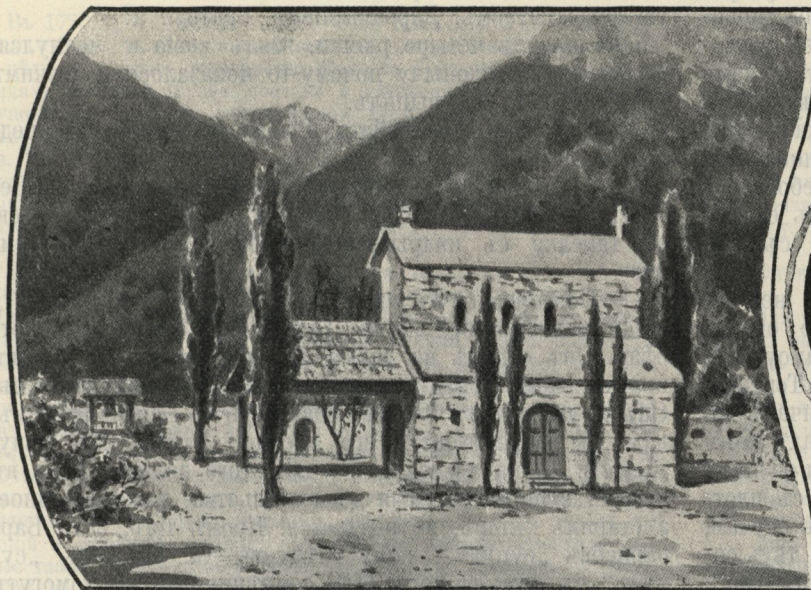
Бумазѣвъ по голосамъ узналъ пировавшихъ у Сыся. Это были: садовникъ съ дачи одного крупнаго, богатаго чиновника и бывший приказчикъ-мануфактурщикъ, лѣтъ 15 тому назадъ купившій въ этой мѣстности клочокъ земли и открывшій на ней будку съ продажей папиросъ, спичекъ, ваксы и одереветѣлыхъ „гостинцевъ“ для деревенскихъ ребятишекъ.

Торговля въ будкѣ шла очень плохо, почему она почти по цѣлымъ днямъ стояла подъ замкомъ; самъ же

Мадонна въ розахъ. Картина В. Бугеро, авт. «Нивы».

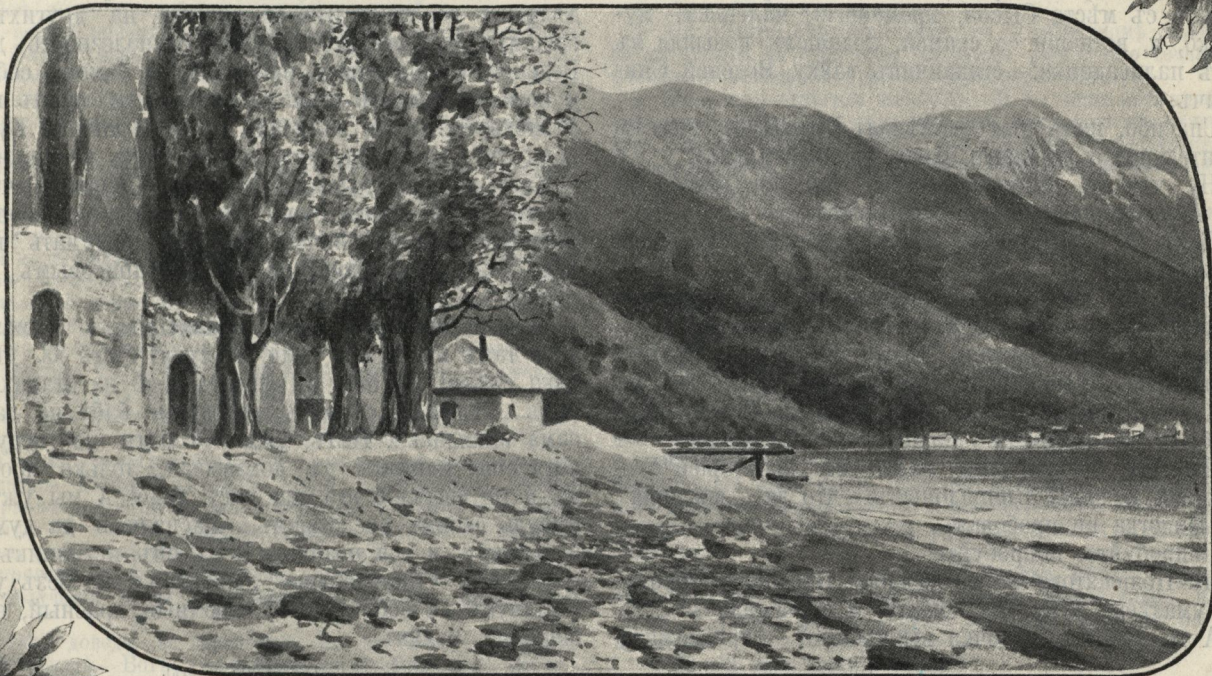
Гагры,
черноморский
курортъ.

Реставрированная церковь.

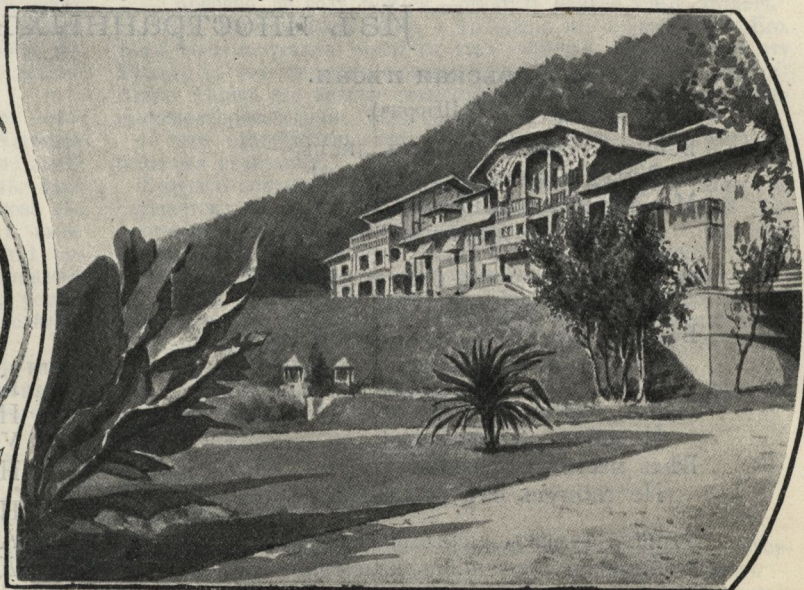
Аллея пальмъ и магнолій на набережной.

Видъ отъ Генуэзской башни на бухту.

Общій видъ Гагръ съ моря.

Гостиница въ Гаграхъ.

хозяин будки слонялся по деревнѣ, по платформѣ желѣзной дороги и промышлялъ, чѣмъ попало. Между прочимъ, у него были гряды съ земляникой, черной смородиной и малиной, и, когда поспѣвали ягоды, онъ торговалъ ею; торговалъ онъ также и овощами, но такъ какъ все-таки у него не хватало средствъ для прожитія съ довольно многочисленной семьей, то онъ не отказывался ни отъ какой работы; такъ, когда одному чиновнику, попробовавшему жить „на своей землѣ“, потребовалось оклеить обоями стѣны, то Иванъ Полѣвковичъ охотно взялъ этотъ подрядъ и исполнилъ его вмѣстѣ съ маленькимъ сынишкой въ лучшемъ видѣ.

Садовникъ, Терентій Павловичъ, тоже былъ не настоящій садовникъ, по крайней мѣрѣ нигдѣ не обучившійся своему ремеслу, а постигшій его самоучкой. Были люди, утверждавшіе, что видѣли, какъ Терентій Павловичъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ плотничалъ на одной постройкѣ. Терентій Павловичъ не отрицалъ этого обстоятельства и добавлялъ только, что, будучи обученъ всякому ремеслу, знакомъ, между прочимъ, и съ плотничьимъ, но что садоводство-то онъ, во всякомъ случаѣ, знаетъ превосходно, такъ какъ въ теченіе трехъ лѣтъ состоялъ садовникомъ при оранжереяхъ „графа Салтыкова“.

— Пожалуйте, пожалуйста, Веденей Спиридонычъ! — кричалъ съ мѣста Сысой, хромоногій, маленький мужичишко, и, вставши со скамьи, подошелъ ковыляя къ калиткѣ палисадника: — стаканчикъ чайку, Веденей Спиридонычъ.

— Спасибо, пилъ уже! — отвѣчалъ Бумазѣвъ, стоя въ нерѣшительности у самаго входа въ палисадникъ.

— Ну, что же, выкушаете еще! Чай не бѣда! Не водка! А у насъ еще и съ „викторіей“...

— Какъ съ „викторіей“? Развѣ поспѣла? — удивился Бумазѣвъ.

— Нѣтъ, гдѣ тамъ! А это моншасье такое, называется „викторія“. Очень вкусно! Пожалуйте, пожалуйста!

Бумазѣвъ недолюбливалъ Сысою, считая его хитрымъ, пронырливымъ мужичонкой, способнымъ при этомъ на какую угодно пакость, и въ виду этого послѣдняго старался быть съ нимъ на дипломатической ногѣ.

— Что же, попробовать развѣ съ „викторіей“! — усмѣхнулся Веденей Спиридонычъ: — что за „викторія“ такая! Никогда не пробовалъ.

— Попробуйте, попробуйте!

Иванъ Полѣвковичъ и Терентій Павловичъ протянули Бумазѣву руку для пожатія и потѣснились.

— А то, можетъ, водочки выкушаете? — предложилъ Сысой.

— Нѣтъ, ужъ водки какъ-то того...

— Отчего же? Передъ чаемъ? За компанію? Мы тоже дербализмъ! Дербализмъ, братцы, а?

Онъ налилъ четыре рюмки, взялъ свою и чокнулся. Веденей Спиридонычъ почему-то показалось неловкимъ не выпить, и онъ выпилъ.

— Закусите, пожалуйста! Рыбки соленькой! — предложилъ Сысой.

— А, рыбки? Это хорошо, рыбки! — пробормоталъ Веденей Спиридонычъ, беря ломаную вилку и тыкая ею въ тарелку съ надрызганными кусками чего-то темнаго.

— Повторимъ, что ли?

Пріатели повторили, но Бумазѣвъ отказался наотрѣзъ. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, не принимая участія въ пріятельской бесѣдѣ, погруженный въ задумчивость. Онъ думалъ, какъ бы ему поступить съ Барбарисовымъ, какъ бы парализовать его вредное вліяніе на жену. Донести по начальству, — но для этого должны быть въ рукахъ неопровержимыя доказательства, даже поличное, а старикъ хитеръ, не поддается! Кромѣ того, если Барбарисовъ „сунулъ“, кому слѣдуетъ, — а что онъ „сунулъ“, въ этомъ не могло быть сомнѣнія, — то не помогутъ никакіе доносы, какъ не помогали раньше, которые дѣлались кое-кѣмъ изъ обывателей на другихъ, торгованныхъ безпатентной водкой. Безполезность доносовъ Веденей Спиридонычъ испыталъ на самомъ себѣ, когда у него въ погребѣ сгнила солонина, и одинъ изъ желѣзнодорожниковъ написалъ на него доносъ: Бумазѣвъ „сунулъ“, кому слѣдуетъ, и все этимъ кончилось.

Какъ ни раздумывалъ Веденей Спиридонычъ, чѣмъ донять своего врага, какъ ни раскидывалъ своими ожирѣвшими мозгами, ничего другого придумать не могъ, какъ только расправиться съ Барбарисовымъ „своимъ судомъ“.

„Самое любезное дѣло! — размышлялъ Бумазѣвъ: — чего тамъ по закону или по суду! Судъ да дѣло — собака съѣла! Да есть ли еще судъ-то на этакіхъ подлцовъ... Я вѣдь, скажетъ, веревками бабу не тащилъ — сама напилась!.. Нѣтъ, ужъ что тамъ по суду! Адвоката еще нанимай да доказывай, только проволочка! Да и не свычное это для насъ дѣло! А мы ужъ какъ-нибудь своимъ средствомъ... Распалюсь да духъ вонъ и вышибу, и вся недолга. Вонъ онъ, истинникъ-то!“

Веденей Спиридонычъ любовно и не безъ уваженія взглянулъ на собственный огромный, красный, обросшій шерстью, кулакъ.

(Окончаніе будетъ).

Изъ иностранныхъ поэтовъ.

Октябрьская пѣсня.

(Изъ Т. Шторма).

Встаетъ туманъ, спадаетъ листъ, —

Вина — и вровень съ краемъ!

Мы сѣрый день позолотить,

Позолотить желаемъ.

А за окномъ пусть будетъ адъ,

Пусть будетъ рай, — все мимо!

Вѣдь бѣлый свѣтъ, прекрасный свѣтъ,

Стоитъ несокрушимо.

Пусть сердце ноетъ и болитъ —

Не обращай вниманья!

Вѣдь настоящія сердца

Не гибнутъ отъ страданья.

Встаетъ туманъ, спадаетъ листъ, —

Вина — и вровень съ краемъ!

Мы сѣрый день позолотить,

Позолотить желаемъ.

Настала осень, по утрамъ

Морозецъ уши шиплетъ;

Но подожди: придетъ весна —

Фиалками засыплетъ.

Проститься скоро ужъ должны

Мы съ днями голубыми:

Такъ насладимся-жъ, вѣрный другъ, —

Такъ насладимся-жъ ими.

Свѣтлые дни.

(Изъ Л. Яковлевскаго).

Какъ вѣчныя звѣзды, сияютъ

Намъ прошлаго свѣтлые дни;

Утѣхой въ грядущихъ печаляхъ

Намъ издали свѣтятъ они.

Не горе — что мы ихъ лишились,

А счастье — что видѣли ихъ:

Дни станутъ мрачнѣй — съ насъ довольно

Немеркнувшихъ звѣздъ золотыхъ.

В. С. Лихачовъ.

Изъ жизни Моцарта.

Въ 1770 г., на Святой недѣлѣ, папа Климентъ XIV лично служилъ обѣдню въ Сикстинской капеллѣ, окруженный кардиналами и пѣвшимъ сонмомъ духовенства. Капелла была переполнена сановниками и знатно города, послами и знатными иностранцами, допущенными по ихъ рекомендаціи. Безчисленная толпа, лишенная доступа въ эту капеллу, тѣснилась въ громадной церкви св. Петра, жадно прислушиваясь къ доносившимся изъ капеллы звукамъ псалмовъ. Знаменитѣйшіе пѣвцы исполняли чудную музыку Аллегри «Мизерере» — дивное вдохновеніе гения, проникнутаго чистымъ святымъ чувствомъ религіи, настоящее небесное откровеніе.

При звукахъ этихъ псалмовъ и при мерцающемъ свѣтѣ безчисленнаго множества зажженныхъ восковыхъ свѣчей фрески Микель-Анджело, украшающія стѣны капеллы, казались, ожили. Изображенія грѣшниковъ, терзаемыхъ мѣками, словно пришли въ движеніе: блѣдныя изможденные черты ихъ выражали безконечный ужасъ, глаза проливали кровавыя слезы, зубы скрежетали, члены извивались, и раздирающіе звуки «Мизерере» казались стонами, вырывавшимися изъ груди несчастныхъ. Произведеніе Микель-Анджело въ эту минуту до такой степени дышало жизнью, что почти всѣ присутствующіе, и въ особенности иностранцы, обратили на него свои взоры, въ которыхъ ужасъ смѣшивался съ удивленіемъ. Только одинъ мальчикъ, еще ребенокъ, лѣтъ 12—14, высокій и стройный, изъ-подъ высокаго лба котораго сверкали голубые глаза, полные ума и жизни, казалось, не замѣчалъ освѣщенныхъ и обращающихъ на себя всеобщее вниманіе фресокъ. Приподнятая, почти запрокинутая назадъ головка, восторженные взоры, улыбающійся, полуоткрытый ротъ, жадно ловившій дивные звуки псалмовъ, — все въ ребенкѣ выражало живѣйшее, напряженнѣйшее вниманіе. Видно было, что онъ былъ глубоко потрясенъ и стремился запечатлѣть въ душѣ своей полученное впечатлѣніе. Стоя рядомъ съ австрійскимъ посломъ, въ своемъ зеленомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами, онъ словно приросъ къ мѣсту, неподвижный, какъ статуя.

Когда замерли послѣдніе звуки «Мизерере», онъ, словно освободившись отъ державшихъ его въ оковахъ чаръ, улыбнулся съ чувствомъ внутреннего удовлетворенія и вышелъ изъ церкви въ сопровожденіи одного изъ секретарей австрійскаго посольства. Погруженный въ глубокую задумчивость, онъ, казалось, совсѣмъ не слушалъ восторженныхъ рѣчей своего спутника о рѣдкомъ великолѣпнѣи религіозной церемоніи, при которой они только-что присутствовали. Достигнувъ посольскаго дворца, мальчикъ направился поспѣшно въ свою комнату и немедленно принялся чертить кѣ-то непонятные для всѣхъ, кромѣ него, значки на линованной бумагѣ, лежавшей тутъ же на полуитрѣ.

Вечеромъ, за обѣдой у посланника, много говорилось о религіозной церемоніи и о чудесной музыкѣ Аллегри.

— Какъ жаль, — сказалъ посолъ, — что эта дивная музыка не можетъ сдѣлаться достояніемъ всего свѣта. Безконечная, вѣчная скорбь и раскаяніе, которыя она передаетъ съ такимъ совершенствомъ, могли бы оказать самое благотворное вліяніе на многихъ грѣшниковъ, направивъ ихъ на путь истинный.

— Вы привели бы этотъ аргументъ его святѣйшеству, чтобы добиться полученія копій этой музыки, — замѣтилъ французскій посолъ.

— Всѣ наши доводы не приведутъ ни къ чему, — отвѣтилъ австрійскій посолъ. — Вотъ уже нѣсколько столѣтій, какъ эта музыка была написана Аллегри, и еще ни разу нигдѣ не раздавалась она, кромѣ какъ подъ сводами Сикстинской капеллы; ни одинъ императоръ, ни одинъ король не могъ добиться копій ея у цѣлаго ряда папъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ; на всѣ просьбы коронованныхъ особъ они отвѣчали, что музыка эта — достояніе церкви св. Петра и никому передана быть не можетъ.

Улыбка торжества промелькнула на устахъ мальчика въ зеленомъ платьѣ, обѣдавшего также за столомъ посла. На слѣдующій день, въ пятницу, во время церковной службы можно было замѣтить того же мальчика на томъ же мѣстѣ, что и наканунѣ, такъ же внимательно слушающаго «Мизерере»; на этотъ разъ голова его не была приподнята кверху, напротивъ, онъ склонилъ ее и, казалось, украдкой читалъ что-то изъ свертка, лежавшаго на днѣ его шляпы, которую онъ держалъ въ рукахъ. Одинъ изъ кардиналовъ обратилъ на него вниманіе и, замѣтивъ его взглядъ, устремленный на сверткъ въ шляпѣ, уже не переставалъ слѣдить за нимъ.

Вечеромъ того же дня былъ большой концертъ въ залѣ виллы Боргезе; дворцы и садъ были залиты свѣтомъ. Пѣніе смѣнялось игрой на всевозможныхъ инструментахъ. Но вотъ раздался звукъ

нѣсколькихъ вступительныхъ аккордовъ, взятыхъ твердой, опытной рукой, и всѣ посѣдѣли въ мраморную галерею, откуда они доносились. «Это онъ, это тотъ гениальный мальчикъ изъ Австріи, о которомъ столько говорятъ!» — И каждый указывалъ на мальчика въ зеленомъ платьѣ, того самаго, который утромъ такъ внимательно вслушивался въ дивные звуки «Мизерере». Австрійскій посолъ стоялъ возлѣ него, опираясь о рояль, и старался взглядомъ ободрить маленькаго виртуоза. И вдругъ, вслѣдъ за вступительными аккордами рояля, раздался голосъ мальчика, звучный и сильный, и слушатели узнали «Мизерере» въ дивномъ исполненіи, поразительно вѣрнымъ и точномъ. Всѣ замерли отъ удивленія и неожиданности; одни заговорили о чудѣ, другіе указывали на профанацію, воровство...

— Для того, чтобы такъ хорошо усвоить себѣ эту музыку, онъ долженъ былъ ее записать въ то время, какъ ее исполняли, — замѣтилъ кто-то.

— Да, да, конечно, онъ ее записалъ, — воскликнулъ одинъ изъ бывшихъ тутъ кардиналовъ, тотъ самый, который утромъ въ капеллѣ слѣдилъ за мальчикомъ.

— Ваша эминенція увѣрены въ этомъ? — спросилъ австрійскій посолъ, приближаясь къ кардиналу и держа мальчика за руку.

— Да: мнѣ кажется, что я видѣлъ, какъ онъ записывалъ мелодію, — пробормоталъ кардиналъ.

— Монсиньоръ, вы могли видѣть меня только читающимъ, но не записывающимъ, — отвѣтилъ ребенокъ почтительно, но твердо.

— Но то, что вы читали, вы должны были предварительно написать?

— Да, но я писалъ на память.

— На память? Это немислмо; въ исполненномъ вами пѣніи не пропущена ни одна нота, ни одинъ звукъ, — это точная, безъ малѣйшаго измѣненія, копія съ «Мизерере» Аллегри!

— Конечно, — отвѣтилъ мальчикъ. — И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: музыка эта такъ поразила меня, такъ взволновала мою душу, что она запечатлѣлась въ ней цѣликомъ, до послѣдняго звука. И клянусь вамъ, монсиньоръ, этой божественной музыкой, что я говорю истину!

Всѣ стояли, пораженные удивленіемъ. Сановники окружили мальчика и выражали ему свое восторженное одобреніе. Но нашлись и такіе, которые говорили, что во всякомъ случаѣ мальчику нужно воспретить повтореніе пѣнія и въ особенности переписку «Мизерере». Но какъ это сдѣлать?

— Папа рѣшитъ самъ этотъ вопросъ, — сказалъ кардиналъ, бесѣдовавшій съ мальчикомъ.

На слѣдующій день гениальный ребенокъ былъ позванъ въ Ватиканъ: папа пожелалъ его видѣть. Легкою, спокойною походкою прослѣдовалъ онъ чрезъ безконечный рядъ большихъ великолѣпныхъ комнатъ, украшенныхъ кистью Рафаэля, и взоръ его умныхъ голубыхъ глазъ съ удивленіемъ останавливался предъ фресками безсмертнаго гения кисти. Наконецъ онъ былъ допущенъ въ кабинетъ папы, въ сопровожденіи двухъ секретарей посольства. Папа Климентъ XIV протянулъ ему руку для поцѣлуя и ласково спросилъ его:

— Правда ли, дитя мое, что эта святая музыка, принадлежащая до сихъ поръ церкви св. Петра, запечатлѣлась цѣликомъ въ твоей памяти послѣ перваго же раза, когда ты ее прослушалъ?

— Да, это такъ, святой отецъ.

— Какъ это могло случиться?

— Конечно, по волѣ Божіей, — отвѣтилъ наивно юный артистъ.

— Да, Богъ создаетъ гения, и ты одинъ изъ избранныхъ Его. Если Богъ допустилъ, чтобы ты такъ чудесно усвоилъ себѣ эту музыку, то это, очевидно, доказываетъ, что въ будущемъ тебѣ суждено создать для церкви столь же прекрасное, столь же божественное произведеніе. Иди съ миромъ, дитя мое!

И онъ благословилъ его и велѣлъ одарить юнаго виртуоза богатыми подарками.

Будущее показало, что пророчество папы Климента блестяще осуществилось. Этотъ чудесный ребенокъ былъ незабвенный Моцартъ, цѣлый цикл произведеній котораго закончился его безсмертной мессой «Requiem». Гений Аллегри, вдохновившій его въ дѣтствѣ, улыбнулся ему и вдохновилъ его въ моментъ разставанія съ жизнью. Уже угасающимъ голосомъ и ослабѣвшими руками пробовалъ онъ исполнить эту похоронную музыку, которую завѣщалъ исполнить надъ своей могилой. За часъ до смерти пробѣжалъ онъ ее глазами.

— Ахъ! — воскликнулъ онъ: — я предвидѣлъ, что музыку эту я писалъ для себя.

Гагры.

(Съ 5 рис. на стр. 585).

Русская Ривьера! Страна тепла и солнца! Гнѣздо лихорадок! Страшная дороговизна!

Вотъ какія противорѣчивыя мнѣнія составились объ этомъ чудномъ уголкѣ черноморскаго побережья, открытомъ всего три года назадъ по мановенію волшебнаго жезла.

Послѣдняя фраза не должна казаться преувеличенною: комфортабельно устроенный курортъ выросъ въ теченіе 15 мѣсяцевъ — съ октября 1901 года по 9 января 1903 г. Въ этотъ день многіе видные представители Россіи, спеціально приглашенные на торжество творцомъ Гагръ — Его Высочествомъ принцемъ Александромъ

Петровичем Ольденбургским—были свидетелями того, как можно пользоваться естественными богатствами природы, которых так много в нашем отечестве; но мы привыкли обыкновенно порицать все русское и хвалить заграничное,—и вот за открытием климатической станции появились отзывы о страшной дороговизне и лихорадочной опасности этого мѣста.

Въ данномъ случаѣ первое названіе, присвоенное Гаграмъ—русская Ривьера—вполнѣ заслужено, и она ни въ чемъ не уступаетъ заграничной; дороговизна же—понятіе условное; если и было дорого въ первый годъ по открытіи, то теперь плату въ 75 коп. за великолѣпно обставленную комнату и 25 коп. за блюдо въ обѣдъ вряд ли можно считать высокою.

Что касается лихорадки, то, при расположеніи къ ней и при неосторожности, лихорадку можно получить вездѣ; Гагры же названы климатическою станціею именно потому, что изъ всего черноморскаго побережья это мѣсто наиболѣе благоприятно для здоровья и даже спасительно при болѣе серьезныхъ болѣзняхъ, какъ, напримеръ, чахотка.

Бѣжное солнце и тепло, умѣряемое моремъ, дѣлаютъ пребываніе въ Гаграхъ особенно пріятнымъ и здоровымъ, такъ какъ здѣсь не бываетъ изнурительной жары, особенно по ночамъ, которая всегда прохладна, и рѣзкихъ переѣтовъ температуры здѣсь нѣтъ; средняя годовая температура равна $+15^{\circ}$.

Императорскій Институтъ экспериментальной медицины черезъ особую комиссію, командированную въ Гагры, удостовѣрилъ абсолютно-здоровый климатъ, и врачи особенно рекомендуютъ Гагры больнымъ, нуждающимся въ леченіи теплымъ климатомъ: малокровнымъ, слабогрудымъ, неврастеникамъ, переутомленнымъ и т. п.

Такимъ образомъ рассказы о томъ, что Гагры—гнѣздо лихорадки,—плодъ досужей фантазіи.

Необитаемое еще въ 1901 году мѣсто бывшаго когда-то укрѣпленія уже въ началѣ 1903 года превратилось въ превосходный живописный курортъ.

Много потрачено на это энергіи, силъ, много вложено вкуса и разностороннихъ познаній, не одинъ миллионъ рублей потраченъ на это дѣло, но деньги и труды не брошены даромъ,—результаты на виду у всѣхъ.

Быстрота постройки не была въ ущербъ качеству; удачно составленный планъ блестяще приведенъ въ исполненіе и обнаружилъ много вкуса и знаній; теперь Гагры представляютъ европейски-обставленный курортъ, не оставляющій желать лучшаго.

Грандіозно-живописенъ видъ съ моря. Довольно высокія, покрытыя зеленью, горы съ выдающимися вершинами, широкій пляжъ, красиво прильнившійся къ горамъ новѣйшей причудливой архитектуры постройки, большой цвѣтникъ изъ рѣдкихъ растений и спокойное синее море производятъ чарующее впечатлѣніе.

Самое главное и самое красивое, въ стилѣ *moderne*, зданіе Гагръ—это такъ-называемая «временная» гостиница—трехэтажное сооруженіе изъ дерева и бетона, имѣющее около 100 комнатъ, роскошно обставленныхъ, цѣною отъ 75 коп. до 5 руб., съ электрическимъ освѣщеніемъ, телефономъ и постельнымъ бѣльемъ; при наймѣ по-мѣсячно скидка 30%, за 15 дней—скидка 10%.

Нельзя не отмѣтить, что въ каждой, даже самой дешевой комнатѣ, установленъ телефонъ, посредствомъ котораго можно переговариваться и который въ то же время служить будильникомъ, а въ случаѣ пожара въ гостиницѣ можетъ предупредить объ опасности.

При гостиницѣ имѣется ресторанъ, читальная зала, дамская комната, фотографическій кабинетъ для любителей, почтово-телеграфное отдѣленіе, балконы почти при каждой комнатѣ, ванны и т. п.

Ресторанъ устроенъ около гостиницы и соединенъ съ нею стеклянною галлереєю; устройство его очень интересно: кухня нахо-

дится въ самой залѣ и отдѣлена стеклянною перегородкою, что даетъ возможность видѣть, насколько чисто она содержится.

Зала въ ресторанѣ двухсвѣтная, съ хорами и прилегающими къ ней гостиной, бильярдной и сценой.

Вторая гостиница, рядомъ съ первой, еще не вполнѣ оконченная, изъ желѣзо-бетона въ 8 этажей, также очень красивое зданіе со всеми удобствами.

Есть еще неподалеку, внутри крѣпости, меблированныя комнаты.

На высокой, неприступной скалѣ высятся небольшой, но очень красивый дворецъ принца А. П. Ольденбургскаго; къ нему ведетъ пробѣжалъ, устроенная зигзагами, дорога.

Въ концѣ курорта, на берегу моря, устроено купальное заведеніе, соединенное съ гостиницами трамваемъ,—зданіе въ два этажа, со всеми усовершенствованіями, всякаго рода ваннами, душами, свѣто- и цвѣто-лѣченіемъ по очень доступной цѣнѣ.

Кромѣ нѣсколькихъ построекъ администраціи курорта, есть еще зданіе электрической станціи, около которой на почти отвѣсной скалѣ устроена фуникулярная желѣзная дорога, служащая теперь для подъема матеріаловъ для строящагося большого водопровода; народная столовая, казармы, пекарня, прачечная, базаръ и т. д.

Внутри крѣпости есть церковь, реставрированная изъ древнихъ развалинъ, постройки VI вѣка.

Сезонъ въ Гаграхъ продолжается круглый годъ. Сообщеніе самое удобное—черезъ Новороссійскъ моремъ на пароходахъ Русскаго Общества, которые совершаютъ рейсы 5 разъ въ недѣлю; пробѣздъ отъ Новороссійска до Гагръ во II классѣ стоитъ около 4 рублей; для любителей же морскихъ путешествій можно рекомендовать ѣхать отъ Одессы.

Пароходъ останавливается въ Гаграхъ въ 40—50 саженьяхъ отъ берега, и пассажиры доставляются на берегъ на лодкахъ-фелюгахъ опытыми матросами; такъ какъ прибой здѣсь незначителенъ, то высадка на фелюгу здѣсь не доставляетъ никакихъ непріятностей.

Что касается растительности въ Гаграхъ, то разнообразіе ея и красота поразительны: платаны, хамеропсы, фиго, апельсинны, юкки, бананы, магноліи, кипарисы, тополи и масса цвѣтовъ. Здѣсь есть все, чѣмъ гордится Ницца, но Гагры превосходятъ Ниццу количествомъ и дешевизною плодовъ.

Для развлеченія въ Гаграхъ имѣется очень много средствъ: катанье на лодкѣ, верхомятъ, въ экипажахъ, лаунъ-теннисъ и т. п.; для дѣтей есть катанье на пони и ослѣхъ. Кромѣ того окрестности такъ живописны и интересны, что экскурсіи можно дѣлать безъ конца.

Самая доступная изъ прогулокъ—по Анненковскому шоссе, по дорогѣ въ Адлеръ и къ Пидундѣ; шоссе идетъ по самому берегу моря и изобилуетъ живописными мѣстами; затѣмъ въ Жоскварское ущелье, въ имѣніе принца Ольденбургскаго «Отрадное», къ Ольгинскому источнику, къ пещерѣ св. Ипатія, въ альпійскую гостиницу и т. д.

Администрація климатической станціи любезно предоставляетъ въ распоряженіе желающихъ и экипажи, и верховыхъ лошадей по очень доступной цѣнѣ.

Администраціе курорта заарендованы громадныя дачи для охоты, всего 132.000 десятинъ; охота на хищныхъ звѣрей и птицъ производится круглый годъ, на остальныхъ—по установленному расписанію. Медвѣди, барсы, кабаны, куницы водятся въ изобиліи, попадаются иногда зубры, туры, лоси и каменные козлы. Вотъ чего совсѣмъ нѣтъ въ Ниццѣ.

Рыбная ловля въ морѣ и горныхъ рѣкахъ также возможна въ теченіе всего года.

Вотъ что представляютъ собою Гагры—своего рода единственный курортъ въ Россіи.

150-лѣтіе С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ.

30 августа 1756 года—знаменательный день въ исторіи русскаго искусства: въ этотъ день официально возникъ русскій драматическій театръ, сдѣлавшись съ тѣхъ поръ постояннымъ учрежденіемъ. Въ этотъ день государство, въ лицѣ императрицы Елизаветы Петровны, признало за нимъ права гражданства и возвело русскій театръ на степень государственнаго установленія.

30 августа 1906 года исполнилось 150-лѣтіе существованія С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ. Не мѣшаетъ вспомнить по этому случаю, какія обстоятельства предшествовали ихъ зарожденію и сопровождали ихъ.

До воцаренія Елизаветы Петровны русскаго театра, какъ постояннаго учрежденія, не существовало. Возникали только отдѣльныя попытки (например, при Петрѣ Великомъ) создать его; но попытки эти не имѣли серьезнаго значенія. Театральныя представленія въ Москвѣ и Петербургѣ, конечно, существовали и ранѣе 1756 года, но въ нихъ лицедѣйствовали почти исключительно иностранныя труппы («кампанія», какъ тогда говорили). Столичная публика имѣла уже понятіе о комедіи, трагедіи, о пантомимѣ и даже объ оперѣ: «Петербургскія Вѣдомости» еще 1729 году разъясняли своимъ читателямъ: «Опера есть музыкальное дѣяніе въ подобіе комедіи, въ которомъ стихи поютъ, и при оной разные танцы съ преизрядными машинами представлены бывають». Пользовались популярностью въ русскомъ столичномъ обществѣ и тогдашнія театральныя знаменитости—Жоржи, Масани, Кампасси, Гарани и др. Но, повторяемъ, русскаго театра еще не существовало.

А между тѣмъ потребность въ немъ, несомнѣнно, уже чувствовалась.

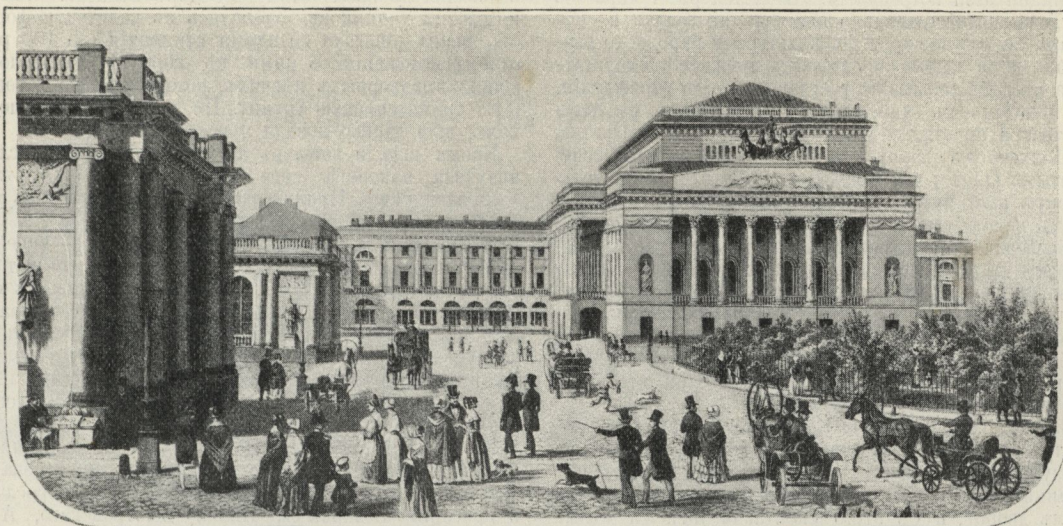
Въ описываемое время любовь къ театральнымъ зрѣлищамъ успѣла проникнуть въ широкіе слои населенія и иной разъ проявлялась даже тамъ, гдѣ ей, казалось бы, совсѣмъ не было мѣста. Императрица Елизавета, по словамъ одного хроникера, посѣтила однажды духовное учебное заведеніе («нѣкую обитель», какъ выражается хроникеръ). «Настоятель ея, вымысливъ всѣ роды отличнаго угощенія, приказалъ семинаристамъ повеселить государыню театромъ». Государыня охотно согласилась посмотреть «сіе зрѣлище», и семинаристы стали играть. Проходитъ часть, два, три, четыре часа—представленіе все продолжается. Государыня наконецъ спрашиваетъ: «Скоро ли пѣса окончится?»

— У насъ, Ваше Величество, представленіе заготовлено на трое сутокъ,—отвѣтилъ «управляющій»;—и мы не перестанемъ играть, доколѣ не прикажете!

Эта курьезная исторія очень характерна для описываемаго времени.

Какъ увидимъ ниже, такіе же спектакли происходили тогда и въ другомъ учебномъ заведеніи—въ шляхетномъ корпусѣ. Тогда же вошли въ моду и частныя любительскіе («благородныя») спектакли.

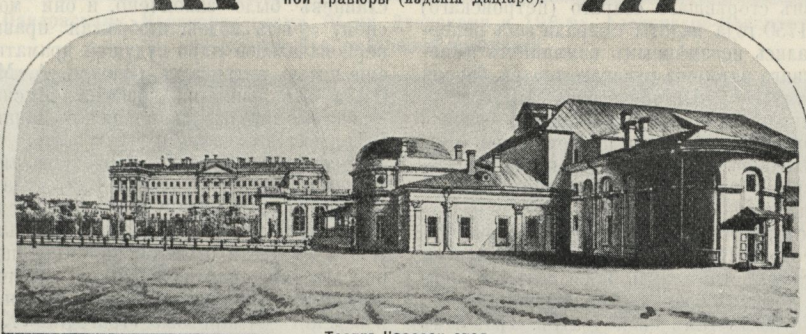
Любовь къ театральнымъ зрѣлищамъ стала, несомнѣнно, усиливаться въ обществѣ; потребность къ театру назрѣла, и императрица Елизавета Петровна, сама страстно любившая театръ, яви-

Александринский театр съ современной гравюры (изданія Даціаро).

О. Г. Волковъ.

Театръ Назасси, стоявшій на мѣстѣ Александринскаго.

И. А. Дмитревскій.

Михайловскій театръ.

Маринскій театръ.

А. П. Сумароковъ.

А. Д. Шумскій.

Большой театр съ современной гравюры (изданія Даціаро).

лась выразительницей этой потребности. Люби театр и серьезно относился к нему, она вполне правильно понимала его задачи и смотрела на него, как на могучее средство культуры и народного развития. Поэтому она и не задумалась возвести прежнее «комедиантское игрище» на степень серьезного государственного учреждения.

Ближайшим поводом к учреждению постоянного русского драматического театра послужили два следующих обстоятельства: спектакли в Шляхетном корпусе и Ярославский театр, основанный знаменитым Θεодором Волковым. Оба эти обстоятельства имѣютъ тѣсную взаимную и преемственную связь.

Въ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ первомъ) въ описываемое время образовался «кружокъ любителей русской словесности», въ которомъ кадеты и ихъ воспитатели-офицеры читали другъ другу свои сочинения. Въ близкихъ отношеніяхъ съ этимъ кружкомъ состоялъ и драматургъ А. П. Сумароковъ. Весьма вѣроятно, что, не безъ вліянія Сумарокова, кадеты стали увлекаться театромъ и пробовать свои силы въ домашнихъ спектакляхъ. А въ 1749 году они рѣшили даже выступить въ публичномъ спектаклѣ, въ трагедіи Сумарокова «Хоревъ».

Спектакль имѣлъ огромный успѣхъ. Кадетская труппа (въ нее входили воспитатели и кадеты—Бекетовъ, Свистуновъ, Мелиссино, Остервальдъ, Разумовскій, Бухвостовъ, Рубановскій, Гиршенденъ, Гельмерсенъ, Каницъ и Гохъ) была приглашена повторить спектакль въ Зимнемъ дворцѣ, и съ этого спектакля начался цѣлый рядъ кадетскихъ спектаклей въ казенномъ «оперномъ домѣ», открытомъ въ 1750 году взаменъ сгорѣвшаго стараго (петровскаго) «опернаго дома». Въ теченіе 1750 года кадеты сыграли весь репертуаръ Сумарокова и пользовались неизмѣннымъ вниманіемъ императрицы. По словамъ извѣстнаго историка русскаго театра, барона Н. В. Дризенна («Стопятидесятилѣтіе С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ»), юными актерами такъ дорожили, что боялись ихъ лишиться даже на то короткое время, когда по Невѣ шелъ ледъ и оба берега были разобщены другъ съ другомъ. По повелѣнію государыни, кадетовъ на это время переселяли во дворецъ и тамъ поили и кормили ихъ на казенный счетъ.

Въ концѣ 1749 года въ Петербургъ пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ ярославскій купецъ Θεодоръ Волковъ и случайно попалъ на одинъ изъ кадетскихъ спектаклей. Спектакль произвелъ на него глубочайшее впечатлѣніе, до того сильное, что, вернувшись къ себѣ въ Ярославль, онъ рѣшилъ устроить тамъ свой театръ. Главнымъ пособникомъ и сотрудникомъ Волкова явился его другъ, И. Дмитревскій. Оба ярославца оказались природными превосходными актерами; истинное призваніе ихъ ярко обнаружилось въ этомъ первомъ опытѣ основанія частнаго русскаго театра.

До сихъ поръ неизвѣстно, чѣмъ представлялъ собою Ярославскій театръ? Но, во всякомъ случаѣ, это было нѣчто выдающееся и, несомнѣнно, по заслугамъ имѣло огромный успѣхъ въ Ярославлѣ. Недаромъ такъ пораженъ и восхищенъ былъ этою ярославской затѣей сенатскій экзекуторъ Игнатъевъ, случайно заглянувшій въ Ярославль. Результатомъ его посѣщенія Ярославскаго театра было то, что петербургскія власти получили увѣдомленіе о предпріятіи Волкова и Дмитревскаго и немедленно потребовали ихъ въ Петербургъ.

Ярославцы (вся труппа) прибыли въ сѣверную столицу 3-го февраля 1752 года. По указанію императрицы, ихъ помѣстили на Смольный дворъ, и было повелѣно довольствоваться ихъ ѣдою и питьемъ на счетъ вотчинной канцеляріи.

Пріѣзжіе артисты дебютировали 18-го марта (бар. Н. В. Дризенъ утверждаетъ, что нѣсколько ранѣе) пьесою св. Дмитрія Ростовскаго: «О покаяніи грѣшнаго человека». Спектакль произвелъ на императрицу благоприятное впечатлѣніе. «Ярославскіе комедіанты» продолжали пользоваться и послѣ этого казеннымъ содержаніемъ, и Елизавета Петровна рѣшила составить изъ нихъ ядро труппы затѣяннаго ею постоянного русскаго драматическаго театра.

Когда впервые явилась у нея эта мысль, опредѣлить трудно, но къ описываемому времени (1752 г.) ее желаніе организовать театръ было уже вполне ясно. А такъ какъ, по ее понятіямъ, драматическій актеръ, какъ учитель и воспитатель общества, долженъ былъ самъ имѣть широкое общее образованіе, то она сочла необходимымъ прежде всего пополнить образованіе избранныхъ ею будущихъ дѣателей перваго русскаго театра. Въ сентябрѣ 1752 года, по ее повелѣнію, двое изъ ярославцевъ, И. Дмитревскій и А. Поповъ, были помѣщены въ качествѣ учениковъ въ тотъ же самый Шляхетный корпусъ, который такъ своеобразно оказывалъ своимъ спектаклемъ поддержку геніальному предпріятію Θε. Волкова. А черезъ два года въ корпусъ были зачислены и братья Волковы, Θεодоръ и Григорій. Остальные ярославцы въ корпусъ почему-то не попали.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, почему для общаго образованія были избраны кадетскій корпусъ, т. е. заведеніе спеціально-военное? Но въ томъ-то и дѣло, что Шляхетный корпусъ въ то время, за недостаткомъ другихъ общегражданскихъ заведеній, носилъ смѣшанный военно-гражданскій характеръ и имѣлъ очень широкую программу. Кромѣ того въ немъ сохранялись театральныя традиціи, и поэтому ярославцы могли тамъ пополнить даже спеціально-театральное образованіе.

Въ корпусѣ ярославцы «упражнялись въ чтеніи полезныхъ для искусства книгъ, въ рисованіи, музыкѣ и въ просвѣщеніи своего знанія всѣмъ тѣмъ, чего имъ не доставало». Особенно серьезно

относился ко всему этому Θεодоръ Волковъ. Они считались на положеніи учениковъ, одѣвались въ кадетскую форму и получали отъ казны довольно солидныя стипендіи (до 100 р. въ годъ). На одномъ положеніи съ ними въ корпусѣ находилось еще 7 бывшихъ придворныхъ пѣвчихъ, которые также готовились въ будущую драматическую группу. Но эти послѣдніе, по своимъ успѣхамъ, шли далеко позади ярославцевъ.

Время шло, и вотъ, въ августѣ 1756 года, мысль императрицы получила наконецъ свое осуществленіе. 30-го августа 1756 г. состоялся указъ Правительствующему Сенату объ учрежденіи русскаго драматическаго театра.

«Повелѣли мы нынѣ, — гласилъ указъ: — учредить русскій для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать Головинскій каменный домъ, что на Васильевскомъ островѣ, близъ кадетскаго дома. А для оного повелѣно набрать актеровъ и актрисъ изъ обучающихся пѣвчихъ и ярославцевъ въ кадетскомъ корпусѣ, которые къ тому будутъ надобны, а въ дополненіе еще къ нимъ актеровъ изъ другихъ неслужащихъ людей, также и актрисъ приличное число. Дирекція того русскаго театра поручается отъ насъ бригадирю Александру Сумарокову».

Въ октябрѣ того же года указъ былъ выполненъ. Директоры новаго театра, «бригадиры» Сумароковъ, потребовалъ изъ Шляхетнаго корпуса всѣхъ «надобныхъ» пѣвчихъ и ярославцевъ: Θεодора и Григорія Волковыхъ, Ивана Дмитревскаго, Алексія Попова, Григорія Емельянова, Павла Лукьянова и др. Образованіе ярославцевъ было закончено, и они могли теперь смѣло идти на сцену «учить людей, изображая нравы». Нѣсколько позднѣе это первоначальное ядро будущей драматической группы пополнилось еще пятью актрисами (Зорина, А. Михайлова, сестры Марія и Ольга Аваныны и Аграфена Мусина-Пушкина) и тремя ярославцами, которые не попали въ корпусъ — Яковомъ Шумскимъ, Гаврилой Волковымъ и Чулковымъ.

Таковъ былъ составъ первой труппы перваго драматическаго театра въ Россіи. Къ зимѣ 1756 года театръ былъ окончательно организованъ и фактически началъ свое существованіе.

Онъ помѣщался на мѣстѣ нынѣшней Академіи художествъ. Плата за мѣста была очень умеренная, и даже приказано было въ послѣдствіи «партикулярныхъ зрителей (зрителей) впускать безденежно». Репертуаръ его составляли, главнымъ образомъ, произведенія Сумарокова (трагедіи «Хоревъ», «Гамлетъ», комедіи «Рогоносецъ по воображенію», «Триссотионусъ», «Онегунъ», «Лихоимецъ», «Чудовище» и др.). Игралось также произведеніе Θε. Волкова и И. Дмитревскаго — комическая опера «Танюша, или счастливая встрѣча». Затѣмъ шли пьесы иностранныхъ авторовъ: Мольера, Лафона, Сень-Фуа, Гольберга и др.

Душою театра былъ Θε. Волковъ, наиболѣе талантливый изъ всѣхъ. Къ сожалѣнію, онъ очень рано скончался (всего 34-хъ лѣтъ). Другимъ замѣчательнымъ актеромъ считался И. Дмитревскій. По отзывамъ современниковъ, это былъ европейски-образованный человекъ, другъ Гаррика, съ которымъ онъ познакомился во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ, куда онъ ѣздилъ съ тою цѣлью, чтобы совершенствоваться нашъ театръ по образцу заграничныхъ. Огромнымъ успѣхомъ пользовался затѣмъ Як. Шумскій, славившійся въ комическихъ роляхъ.

Такъ возникъ нашъ «казенный» русскій театръ, давшій такъ много славныхъ именъ и традицій. 150 лѣтъ протекли для него не даромъ: за это время русское драматическое искусство заняло свое собственное мѣсто въ обще-европейскомъ пантеонѣ и дало намъ Гоголя, Островскаго, Толстого и плеяду великихъ артистовъ сцены, оставившихъ послѣ себя цѣлую школу русскаго сценическаго искусства.

И донынѣ въ стѣнахъ современныхъ образцовыхъ драматическихъ театровъ—Александринскаго и Малаго Московскаго—живутъ отзвуки этой школы, зачавшейся въ скромномъ «Головинскомъ каменномъ домѣ, что на Васильевскомъ островѣ».

150-ти-лѣтіе русскаго драматическаго театра является въ то же время и 150-ти-лѣтіемъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ. «Казенные», правительственные театры въ С.-Петербургѣ ведутъ свою родословную отъ того же «Головинскаго каменнаго дома». Этотъ «домъ» позднѣе воплотился въ «Большой», «Маринскій», «Александринскій» и «Михайловскій» театры, столь знакомые петербуржцамъ.

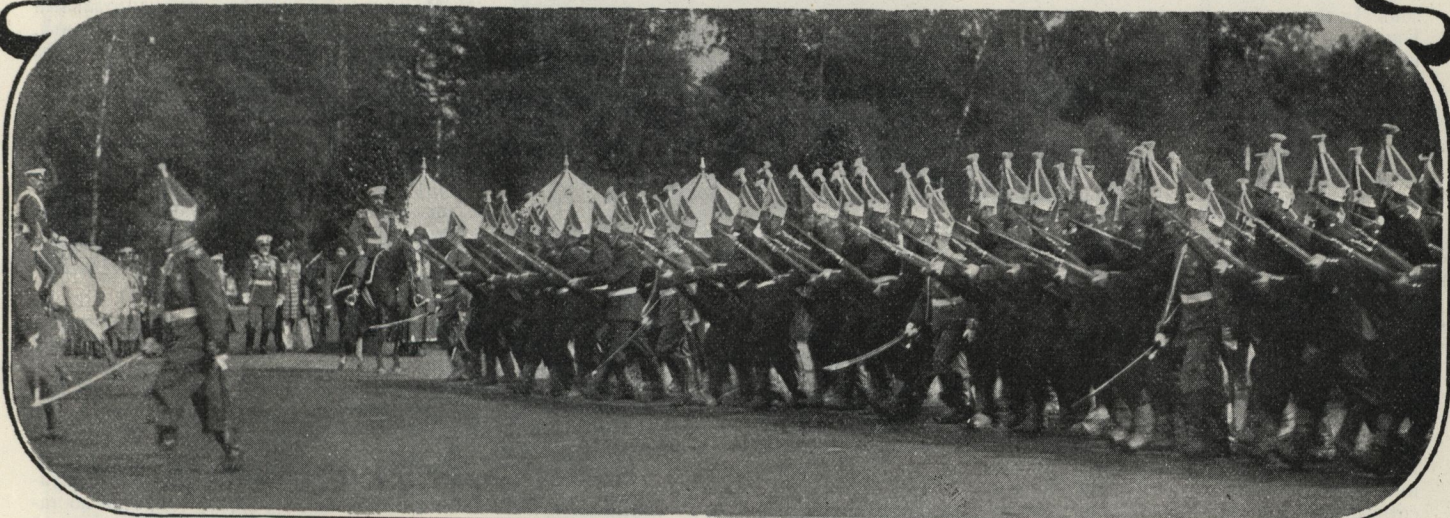
Каждый изъ нихъ имѣетъ свою исторію.

«Большой театръ» (нынѣ уже не существующій) возникъ на мѣстѣ старинной «Карусели», гдѣ, по свидѣтельству Греча, «представлялись разныя народныя игрища». Открытіе его состоялось въ 1783 г. Театръ представлялъ собою великолѣпное, огромное зданіе, вмѣщавшее до 3000 зрителей. Въ 1811 г. Большой театръ сгорѣлъ и былъ возстановленъ въ 1818 г. въ болѣе того величественномъ и прекрасномъ видѣ. Въ немъ давались оперы и балеты, при чемъ въ болѣе позднее время въ Большомъ театрѣ давала спектакли итальянская казенная оперная труппа съ ея знаменитыми представителями: Патти, Николіни, Кальцоллари, Рубини и проч. Въ 1891 году этотъ великолѣпный театръ по неизвѣстнымъ причинамъ былъ сломанъ, и на его мѣстѣ возведено нынѣшнее зданіе консерваторіи.

Александринскій театръ построенъ въ 1832 г. архитекторомъ Росси на мѣстѣ стариннаго «Малаго» театра. Долгое время этотъ театръ, гдѣ давались спектакли русской драматической труппы, не пользовался вниманіемъ общества. Но произведенія Гоголя,

Молебенъ л.-гв. Павловскому, Новочеркасскому, 91-му Двинскому и 198-му Александрo-Невскому полкамъ по случаю ихъ полкового праздника.

Прохождение л.-гв. Павловскаго полка церемоніальнымъ маршемъ съ ружьемъ на бедро.

Отъездъ Ихъ Величествъ послѣ парада. Моторъ Ихъ Величествъ.

Парадъ четырехъ пѣхотнымъ полкамъ въ Высочайшемъ присутствіи въ Петергофѣ. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

Островского и других знаменитых наших классиков подняли потом его престиж.

Мариинский театр перестроен из так-называвшегося «Театра-Цирка», сгоревшего в 1859 году. Открыт он в 1860 г. С самого своего возникновения он служил приютом для русской оперы.

Наконец третий из ныне существующих Императорских театров в С.-Петербурге, Михайловский, был открыт в 1833 году; строил его неизвестный профессор архитектуры А. П. Брюллов.

Судьбы Америки.

(Политическое обозрение).

Испано-американская война вывела на арену мировой политики новую великую державу со звёздным знаменем. Разгромив в несколько месяцев одряхлевшую в католическом фанатизме Испанию, Соединенные Штаты унаследовали от нея Филиппины и утвердили свой протекторат над Кубой. В течение четырех лет до окончательного водворения порядка ею правили американские генералы, затем управление островом было формально передано избранной всеобщим голосованием палатой, которая в свою очередь главою исполнительной власти избрала видного деятеля минувшей революции Пальма. На свой высокий пост Пальма был избран вторично огромным большинством голосов, но в Америке это обстоятельство нисколько не гарантирует правителей от самых неожиданных сюрпризов. Больше крайние партии, с генералом Гомесом во главе, настойчиво обвиняют правительство в подтасовке голосов и в стеснении оппозиционных элементов. Недовольство населения росло и выразилось наконец в новом революционном движении. Мотивы, характер и внутренний смысл последнего остается во всей европейской печати очень мало выясненным. Характерно, что обе борющиеся стороны обращаются за поддержкой к Соединенным Штатам: Гомес — с жалобами на Пальму, а Пальма — с заказами оружия для отражения Гомеса.

Подозрительные политики высказывают предположение, что ключи всех кубинских событий находятся в Вашингтоне.

И действительно: каковы бы ни были внутренние тенденции кубинской революции, она сама по себе дает огромный козырь в руки дипломатов Бѣлаго Дома. По мнению близко знакомого американских дел сотрудника «Journal des Débats», американцы, освободив кубинцев в 1898 году, не сочли удобным тотчас же наложить на них свою руку, но предпочли утвердить свою власть в два приема. Позднейший расцвет хищного американского империализма, быть может, отчасти оправдывает такие догадки. Присоединение Порто-Рико и Панамского перешейка (последнего тоже с помощью искусственной революции, устроенной на американские деньги после отъезда правительства уступить перешеек С. Штатам), подчинение контролю Вашингтона Сан-Доминго и целый ряд шагов, предпринятых великой республикой Северной Америки к подчинению многочисленных республик Южной Америки, — все это служить прямым указанием на стремление к основанию одного грандиозного континентального государства. Политически объединенный в одно государственное тело континент представлял бы собою такую колоссальную силу, рождение которой отразилось бы на судьбах всей Европы.

Но действительным противником американского империализма несомненно является Япония. На Филиппинских островах, захваченных даидей Самом, она смотрит, как на свое законное достояние. Торжество американского империализма страшно стесняет рост новой желтой державы. Американская энергия и предприимчивость выступить в единоборство с японским героизмом. Если Америка сильнее Японии техникой и капиталом, то Япония безконечно сильнее Америки своею национально-государственной этикой. Поскольку судьбы государств в окончательной инстанции рѣшает меч и способность граждан к безумному самопожертвованию, постольку шансы на окончательное торжество несомненно склоняются в пользу наших недавних врагов.

М. М. Стасюлевичъ. (Портр. на этой стр.).

28-го августа исполнилось 50-ти-лѣтіе ученой деятельности известного писателя и общественного деятеля, М. М. Стасюлевича. Кроме того в нынѣшнем же году истекаетъ 25-ти-лѣтіе со дня избрания его гласнымъ петербургской думы и 40-лѣтіе редактирования имъ журнала «Вѣстникъ Европы».

Юбиларъ пользуется широкой и вполне заслуженной известностью на тройкомъ поприщѣ: какъ ученый историкъ, какъ общественный деятель и какъ журналистъ.

Наибольшую же популярность, за последнее время, онъ бесспорно стяжалъ своей замѣчательной деятельностью по городскимъ деламъ. М. М. Стасюлевичъ, можно сказать, поднялъ и вынесъ на своихъ плечахъ все школьное дѣло въ столицѣ, поставивъ его широко и поистинѣ образцово. Заслуги юбиляра въ этой сферѣ должны быть особенно отмѣнены.

Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ родился въ 1826 году. Воспитаникъ петербургскаго университета (по филологическому факультету), онъ не покинулъ его и по окончаніи курса: онъ былъ оставленъ при университетѣ и началъ (съ 1852 года) профессорскую деятельность, читая лекціи по всеобщей исторіи.

Но профессоромъ ему пришлось пробывать всего лишь около 9 лѣтъ. Въ 1861 году вспыхнули студенческіе безпорядки, и М. М. Стасюлевичъ вышелъ вмѣстѣ съ другими известными профессорами (Кавелинымъ, Пыпиннымъ, Спасовичемъ и Утиннымъ)

въ отставку. Позднѣе всѣ они (а въ особенности Пыпинъ) сотрудничали въ «Вѣстникѣ Европы». За время своего профессорства М. М. выпустилъ въ свѣтъ свой капитальный ученый трудъ: «Исторія Среднихъ вѣковъ».

Съ 1862 по 1866 г. онъ состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, но затѣмъ окончательно покинулъ государственную службу. И съ этого времени особенно усилилась публицистическая деятельность М. М. Стасюлевича.

Онъ былъ и ранѣе причастенъ литературѣ: еще до 1866 года онъ помѣщалъ статьи и монографіи въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ журналахъ и газетахъ. Но то были отдѣльные случаи; въ упомянутомъ же году, ровно 40 лѣтъ тому назадъ, М. М. Стасюлевичъ выпустилъ въ свѣтъ первую книжку «Вѣстника Европы» — и съ этой поры онъ бодро несетъ знамя русскаго журнализма.

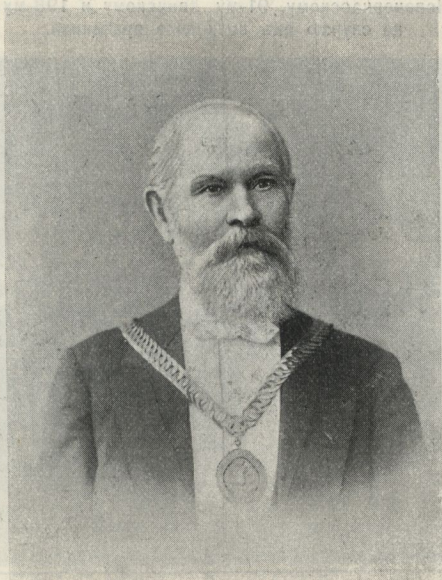
М. М. предпринялъ изданіе журнала, собственно, съ той цѣлью, чтобы бороться съ крайностями господствовавшего тогда естественнонаучнаго направленія путемъ популяризаціи историко-соціальныхъ и политическихъ наукъ. Онъ хотѣлъ противопоставить научному материализму научный идеализмъ, свойственный исторіи, философіи и социологіи. Въ этомъ отношеніи ему много помогло то обстоятельство, что въ «Вѣстникѣ Европы» приняли участіе такіа крупная

художественныя силы, какъ Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Костомаровъ и Салтыковъ. Благодаря этой галантливой плеядѣ, журналъ М. М. Стасюлевича избавился отъ грозившей ему академической сухости и сталъ популяренъ въ широкой массѣ читателей.

Съ 1881 г. наступаетъ третій періодъ въ жизни юбиляра: періодъ общественной деятельности. Съ 1881 года М. М. вступаетъ въ составъ петербургской городской думы. Эта деятельность М. М. Стасюлевича донинѣ на глазахъ петербуржцевъ. Главное, чѣмъ ему обязанъ городъ, это прекрасной постановкой начального обученія. Въ 1890 г. М. М. былъ избранъ председателемъ комиссіи по народному образованію въ Петербургѣ, и результатомъ этого избранія явилось то, что уже черезъ 10 лѣтъ число учащихся увеличилось съ 262 до 344.

«Просвѣщеніе можетъ называться народнымъ только тамъ, — говорилъ однажды М. М.: — гдѣ оно не ограничивается тѣмъ, что заимствуется у народа свой эпитетъ, но гдѣ весь народъ дѣлается его участникомъ и пользуется благами просвѣщенія нераздѣльно, какъ всѣ мы нераздѣльно пользуемся такими благами, какъ воздухъ и свѣтъ». Эти благородныя слова послужили какъ бы девизомъ для юбиляра во всей его образовательной деятельности.

Заслуги М. М. Стасюлевича, какъ старѣйшаго русскаго журналиста и общественнаго деятеля, прямо неисчислимы. Въ той и другой сферѣ онъ всю жизнь проводилъ и проводитъ чистые идеалы добра, правды и культуры, и любовь его къ этимъ идеаламъ есть любовь деятельная, живая. И дай Богъ, чтобы его плодотворная работа во имя этихъ идеаловъ долго еще не прекращалась въ той средѣ, въ которой и для которой онъ и донинѣ такъ усердно работаетъ.

М. М. Стасюлевичъ. (По поводу юбилея 28 августа с. г.).

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Соловей. Разсказъ К. Баранцевича. — Изъ жизни Моцарта. — Гагры. — 150-лѣтіе С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ. — Изъ иностранныхъ поэтовъ. Стихотвореніе В. С. Лихачова. — Судьбы Америки. Политическое обозрѣніе. — М. М. Стасюлевичъ. — Объявленія. РИСУНКИ: Лунная ночь на морѣ. — Листопадъ. — Трудъ и любовь. — Мадонна въ розахъ. — Гагры, черноморскій курортъ (5 рисунковъ). — 150-лѣтіе С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ (3 рисунка и 4 портрета). — Парадъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ въ Высочайшемъ присутствіи въ Петергофѣ (3 рис.). — М. М. Стасюлевичъ. Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 31.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

